

Т.В.Морозова, Л.В.Макаренко

ЛЕКСИЧЕСКИЙ СОСТАВ И ФУНКЦИОНАЛ ЯЗЫКА М.Е.САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА В ЦИКЛЕ «СКАЗКИ ДЛЯ ДЕТЕЙ ИЗРЯДНОГО ВОЗРАСТА»

Статья посвящена традиционному, но не утратившему своей актуальности вопросу поэтики произведений М.Е.Салтыкова-Щедрина. В работе проанализирован лексический состав речи писателя в цикле произведений «Сказки для детей изрядного возраста». Основное внимание уделено анализу лексико-семантического функционирования слов, варьирования их значений в соответствии с экспрессивно-оценочной и стилистической принадлежностью. Указаны источники семантико-смысловой насыщенности авторского языка и расширения его экспрессивных возможностей посредством трансформационных процессов. На авторском языковом материале проиллюстрированы такие приёмы, как комбинация слов с ярко выраженными коннотациями, «неверное» / искажённое толкование слов-номинаций, варьирование сем, контекстные синонимы и антонимы, эвфемизмы, трансформация устойчивых выражений, использование слов (выражений) разных лексических и стилистических пластов. В исследовании использован метод структурного, семантического и стилистического анализа.

Ключевые слова: М.Е.Салтыков-Щедрин, литературная сказка, поэтика художественного произведения, лексический состав языка писателя, лингвистический анализ текста

Изучение поэтики М.Е.Салтыкова-Щедрина к сегодняшнему дню кажется достигшим своей вершины [1, с. 9]. При этом справедливо замечено, что относительно классиков, особенно тех, что составляли передовой корпус отечественной науки прошлого, наступил момент реактуализации и переосмысления их наследия в системе современных научных подходов [2, с. 23]. Относительно М.Е.Салтыкова-Щедрина об этом заговорили ещё в 80—90-е годы XX в.¹, когда осуществлялись первые попытки отказа от конъюнктурных истолкований творческой биографии писателя в пользу более полной её реконструкции. Однако и по истечении многих лет подобных исследований несоизмеримо мало.

Наряду с немногочисленными проектами [3-5], стремящимися представить личность Салтыкова-Щедрина «во всей полноте биографических связей, идейно-эстетических и философских взглядов, общекультурных ориентаций, бытовых привычек, человеческих привязанностей и антипатий» [4, с. 85], не теряют актуальности вопросы художественного языка его сочинений. Таково общее направление и данного исследования. Обращаясь к анализу лексического состава речи писателя, увековечившего себя тонким чутьём слова, обогатившего русский язык неологизмами (что выпадает на долю далеко не каждого литератора [6, с. 7]), мы задаёмся целью составить представление об авторской художественной картине мира посредством раскрытия лексико-семантического и стилистического функционала языка писателя. Магию слова этого незаурядного художника берёмся отследить на материале наиболее читаемой книги Салтыкова-Щедрина [7, с. 414] — цикле «Сказки для детей изрядного возраста» (1869, 1880, 1883—1886²). Сразу заметим, что исследования лексических особенностей отдельно взятого художественного текста в науке не новы. Значителен корпус подобных исследований и относительно прозы Салтыкова-Щедрина, однако большая их часть создана в середине XX в. и нередко ориентирована на уяснение «политической физиономии Щедрина» [8, с. 11]. Парадоксы научного освоения творческой личности этого писателя, часть которых стали и вопросы авторского языка, активизировали работу по составлению словаря писателя, начавшуюся в середине 90-х гг. XX в. (предварительным итогом её можно считать «Словоуказатель к “Сказкам” М.Е.Салтыкова-Щедрина» [9] и «Учебный словарь-комментарий к “Сказкам”» [10]), но спустя годы всё ещё находящуюся в активной фазе. В связи с этим целесообразными представляются попытки ещё раз обратиться к текстам писателя для осознания образности и выразительности его языка. При этом хотелось бы фиксацию языкового материала произведений Салтыкова-Щедрина сугубо дифференциального характера (что отличает, например, подборки авторских цитат (афоризмы, крылатые выражения и пр.) [см. 11]) скорректировать в свете процесса превращения слова в образ, ориентируя особенности авторской речи на миропонимание писателя (о чём ниже).

Анализ лексического богатства языка художественного произведения невозможен без взаимодействия с различными уровнями языка (словообразованием, стилистикой, семиотикой слова, семасиологией и др.), но главное — поэтикой литературного текста. В изучении художественной речи, как известно, возникает немало теоретических вопросов, многие из которых освещены А.М.Пешковским, Л.В.Щербой, В.В.Виноградовым, Б.А.Лариным и др., в работах которых «язык искусства» трактуется как «система художественных форм, их значений и функций, возникающая на основе синтеза коммуникативной функции литературного и народного языка с функцией выразительно-изобразительной» [12]. Такое понимание определяет «трёхуровневую» систему анализа художественного произведения: лингвистический комментарий, лингвистическое и лингвопоэтическое толкование текста. Лингвистический комментарий широко представлен в академических изданиях сочинений Салтыкова-Щедрина [7, с. 412-479; 13] и имеет определённую ценность для исследований, подобных нашему, особенно, если лингвистический комментарий синтезирован с литературоведческой, энциклопедической и

культурно-исторической информацией о слове, отчасти проясняя тем самым динамические процессы лексической системы определённого исторического периода. Лингвопоэтическое толкование текста представляет собой сложный комплексный анализ, при котором учитывается и композиция, и система образов в целом, что выходит за рамки нашего исследования. Лингвистическое толкование языкового материала художественного текста отличается от анализа языковых единиц в системе языка. Среди различных аспектов изучения языка художественного произведений нам близко направление, заложенное в трудах Б.А.Ларина, где центральным выступает эстетическое (художественное) значение слова, которое «не примыкает к ближайшим словам по смыслу, а служит намеком включённых мыслей, эмоций, волений» [14, с. 384-385]. В таком ракурсе несколько ослабевает вопрос соотношения индивидуально-авторского словоупотребления и узуса определённой исторической эпохи, так как внимание концентрирует эстетический феномен слова, источником речевой и стилевой (иногда в соединении с жанровой) специфичности которого выступает личность создателя текста [15]. Изучение эстетической функции языка как первоэлемента литературы относит к компетенции лингвистики текста (лингвистического толкования) и Л.А.Новиков [16].

В данной работе мы сосредоточимся на таком подходе к анализу лексики произведений из цикла «Сказки», выявленной посредством метода сплошной выборки и рассмотренной в рамках структурного, семантического и стилистического (жанрово-стилистического) разбора.

В языке сказок М.Е.Салтыкова-Щедрина, представляющих собой особый вид литературной политической сказки, для которой характерна тесная связь сказочного элемента с действительностью, слияние идеи и образа в единое художественное целое нередко достигается комбинацией слов с ярко выраженными коннотациями, в соседстве которых выявляют порой антонимичные смыслы: «...местный мудрец и философ Иван Простфиля» (сказка «Соседи»), где «мудрец» — «мудрый человек»³, а «простофиля» (*разг., пренебр.*) — «глуповатый, малообразованный человек»; имя героя сказки «Недрёманное око» — Прокурор Куролесыч, где «прокурор» — «человек, осуществляющий надзор за точным исполнением приказов», а «Куролесыч» от «курслесить» (*прост., неодобр.*) — «озорничать, безобразничать». Те же экспрессивные оттенки в известном сочетании «российский дворянин Урус-Кучум-Кильдибаев» («Дикий помещик»), где даже указания на «национальность» героя (Урус — русский) представлено в принятом на Востоке и в Сибири тюркском варианте; однако интересно «обрамление» этого слова, соотносимое в сознании людей XIX в. с глаголом уросить «упрямиться, упираться» (казанск., вятск., вологодск., перм., сиб.) и производным уросливый «капризный, своенравный, упрямый» (В.И.Даль), что дало почву для дополнительного возможного истолкования этого слова как «упрямец» (М.Фасмер). При всей предположительности такого заключения оно напрямую соотносится с щедринским героем, проявившим исключительное упрямство в следовании безумной идее.

Автор часто прибегает к приёму «неверного» или искажённого в силу определённых причин толкования героями тех или иных норм поведения. Для этого автор намеренно акцентирует в словах-номинациях не прямое, а переносное значение, выявляемое из контекста. Так, в сказке «Медведь на воеводстве» находим:

— «Пробовал он <Топтыгин> об себе по пристойности заявить, влез на самую высокую сосну и оттуда не своим голосом рявкнул...». Здесь слово «пристойный» как «соответствующий правилам приличия» вступает в противоречие с оборотом «не своим голосом рявкнул», фиксирующим собственно непристойное поведение героя. Актуализация именно переносного значения слова «рявкнуть» (1. О животных: издать громкий рык, рычание, 2. *Перен, прост.* Грубо и зло кричать на кого-н.) достигнута включением его в оборот «не своим голосом», исключающим первое значение с характеристикой животных;

— дело «не в том, чтобы какие-то... злодейства устраивать, а довольствоваться злодействами “натуральными”». Ежели исстари повелось, что волки с зайцев шкуру дерут, а коршуны и совы ворон ошпыивают, то, хотя в таком “порядке” ничего благополучного нет, но так как это всё-таки “порядок” — стало быть, и следует признать его за таковой». Так, в слове «натуральные» подчёркнуто значение «соответствующий природе», нивелирующее нравственный (надприродный) аспект понятия «злодейство»; в значениях слова «порядок», а это: 1. Правильное, налаженное состояние/расположение чего-л., 2. Последовательный ход чего-н. — актуализированы семы «налаженный», «последовательный», указывающие на системность, а не на справедливость происходящего. Неслучайно оба слова автор заключает в иронические кавычки.

В индивидуальной авторской речи находит отражение и процесс варьирования частных смыслов:

— «...стоит человек и криком кричит: “Ограбили!”»

— Что ты, такой-сякой, на всю улицу зеваешь!» («Недрёманное око»). Здесь из значения слова «зевать» — «судорожно вдыхать и выдыхать воздух открытым ртом» — актуализирована сема «открытый рот», которая предположительна и в действии «кричать» — акте, который невозможно осуществить без раскрытия рта;

— другой пример из этого же произведения: «Вон хищники! Вон он какой домино на краденые деньги взбодрил!». «Взбодрить» — «придать бодрость, энергию чему-н.». В авторском тексте активны семы «придать» и «энергия», что в сочетании с субъективно-оценочным словом «домино» говорит о быстрой постройке большого дома.

Интересен в сказках Салтыкова-Щедрина функционал синонимов: их небольшое в целом количество восполняется специфичным использованием. Сатирик, как правило, выстраивает синонимические ряды («сцепление синонимов» [17, с. 22]), где необходимый ему доминантный признак «озвучивается» по цепочке, каждое последующее звено которой усиливает предыдущее:

— «Сократил он их так, что некуда носа высунуть: куда ни глянут — всё нельзя, да не позволено, да не ваше!» («Дикий помещик»);

— «Они хищны, плотоядны, но имеют в своё оправдание, что сама природа устроила их исключительно антивегетарианцами» («Орёл-меценат») (отметим включение в синонимический ряд авторского неологизма «антивегетарианец»);

— «Здравый смысл — это нечто обыденное, до пошлости ясное, напоминающее математическую формулу или приказ по полиции» («Коняга»).

А вот антонимы, напротив, представлены у Салтыкова-Щедрина широко: это объясняется структурой сюжетов сказок писателя, их внутренних коллизий, построенных на противопоставлении героев и ситуаций: «В некотором селе жили два соседа: Иван Богатый да Иван Бедный» («Соседи»); «Видят мужики: хоть и глупый у них помещик, а ум ему дан большой» («Дикий помещик»); «...ежели даже самую невинную птицу сожрать, то и она точно так же в... брюхе сгниёт, как и самая преступная» («Медведь на воеводстве»); «...перед умственным взором Топтыгина Третьего вдруг выросла теория неблагоприятного благополучия» («Медведь на воеводстве»).

Семантическая и смысло-содержательная значимость антонимов настолько важна для Щедрина, что в некоторых контекстах наблюдается пересечение нескольких антонимических пар: «...жил-был Прокурор, и было у него два ока: одно дрёманное, а другое — недрёманное. Дрёманным оком он ровно ничего не видел, а недрёманным видел пустяки» («Недрёманное око»); «Чудно на свете деется..., который человек постоянно в трудах находится, у того по праздникам пустые щи на столе; а который при полезном досуге состоит — у того и в будни щи с убоиной» («Соседи»); «Пустопляса в тёплое стойло поставили, соломки мягкой постелили, медовой сытой напоили и пшена ему в ясли засыпали; а Конягу повели в хлев и бросили охапку прелой соломы...» («Коняга»). Намеренное столкновение противоположных понятий — приём, настраивающий читателя на восприятие двойственных, сложных явлений. На столкновение противоположных точек зрения указывает и диалогичная форма щедринских текстов, часто к тому же осложнённая тем, что «читателю предстоит определить, на чьей стороне автор (на это указывают многие сигналы в тексте), но главное — решить, на каких позициях находится он сам. То есть поэтика Щедрина активно диалогична по отношению к читателю, она направлена на читателя, на активизацию его сознания» [4].

Одним из источников экспрессивно-эмоциональной насыщенности сказок Щедрина выступают устойчивые сочетания и языковые афоризмы: «принести плод сторицею» («Соседи»); «ума палата» и «уши выше лба не растут» («Вяленая вобла»); «вырос с коломенскую версту» («Богатырь»); «шаром покати» («Ворон-челобитник») и др. В поисках более эмоциональных средств выражения автор стремится расширить экспрессивные возможности устойчивых сочетаний, усилить их функционально-стилистическую значимость, что обуславливает трансформационные процессы. Из них самый распространённый у Салтыкова-Щедрина — замена отдельных компонентов словосочетаний: «...тогда мы и узнаем, как кузькину тещу зовут» («Медведь на воеводстве») — ср.: *показать кузькина мать*; «...птица малая, не стоит из-за неё клюв марасть» («Орёл-меценат») — ср.: *руки марасть*; «...никаких воров нет и не было (а они у него под ноздрей... притаились» («Недрёманное око») — ср.: *под носом / Не видит, что под носом творится*; «Жизнь прожить — не то, что мутовку облизать» («Премудрый пискарь») — ср.: *Век прожить — не поле пройти за сохой / Жизнь прожить — не поле перейти*.

Встречаются у Салтыкова-Щедрина как автора остросатирической ориентированности и резкие, грубые, порой бранные выражения. При этом в стремлении высветить коренные черты новых общественных явлений писатель находит для них блестящие словесные определения: «кандидат в столпы», «Ташкентцы» (русское колониальное чиновничество), «Ташкентцы пригготовительного класса», «Убежище Монрепо», «Ожидание поступков», «француженка Комильфо», «генерал-майор Мардарий Отчаянный», «сердцеведы» (шпионы и сыщики), «складные души» (либералы) и т. п. Точны в своей конкретике и представленные в сказках социальные типы: праздно-пустословные генералы, властный орёл, прекраснотушный карась-идеалист, злобная реакционерка вобла, беспутная канарейка, бесправный трудяга-коняга, игрушечного дела людешки и др. Необходимость избегать цензурные ограничения способствовала иносказательности языка писателя, которая в совокупности с ярким сатирическим эффектом множила эвфемизмы: гнилой богатырь (самодержавие) и дурак Иван (народ), «человек, питающийся лебедой» (обездоленный мужик), «торжествующая свинья» (обнаглевшие реакционеры), познакомиться «с Макаром, телят не гоняющим» (о вероятности попасть в ссылку).

Сложная стилевая природа сказок М.Е.Салтыкова-Щедрина обусловлена использованием совокупности различных языковых средств и приёмов повествования. В этот ряд может быть вписана такая особенность работы писателя над языковым оформлением своих сказок, как намеренная его архаизация. Также среди активно используемых писателем приёмов отмечается намеренное смешение разговорно-бытовой лексики, канцелярских штампов, языковых формул публицистического стиля, книжного и иностранного лексикона [подроб. 17, с. 20-21]. Ориентируя свои сказки на стихию традиционного фольклорного повествования, Щедрин стремится авторскую речь приблизить к народной (разговорной и просторечной лексике, народной этимологии): засовалась (в значении 'завдвигалась на месте, засуетилась'), нудить (принуждать), срамной (бесстыдный), сумятица, ябедничать, увёртки, одворица (участок под избу и хозяйской постройки), остервениться, хворь, стоеросовый, калякать, шарахнуть (нанести удар), наянливо (назойливо), уваль (вуаль) и др. При этом сближение с традицией фольклора у писателя довольно условно, так как злободневность и публицистическая направленность его произведений придают сказкам «особые свойства» [18, с. 344-345]. Чаще разговорно-

просторечной лексики автором используются клише официально-делового стиля: «от дальнейшего объяснения уклонился», «отклонять предложение», «зарекомендовал себя с лучшей стороны», «по мере вступления в зрелый возраст» («Баран непомнящий»); «давая возможность высказаться» («Верный Трезор»), «Произошла натянутость отношений, которую поспешила воспользоваться интрига» («Орёл-меценат»); «...во внимание к дряхлости <...> в сенат посажен был» («Чижиково горе») и др. В наличии и публицистические формулы: «строители своих судеб», «луч света ... прорезал тьму», «напоил благоволением» («Либерал»). Повествовательно-стилевую стихию щедринских сказок определяет их жанровая уникальность. Автор обращается к формам разной жанровой природы: морально оценочной басенной форме («Карась-идеалист», «Здравомысленный заяц»), фельетонно-карикатурной («Премудрый пискарь», «Вяленая вобла»), а также духовно ориентированной пасхальной («Христова ночь») и рождественской («Рождественская сказка») [19, с. 101-102].

С творчеством этого мастера слова связана особая веха в развитии русского литературного языка. Слог М.Е.Салтыкова-Щедрина в высокой степени своеобразен, повествовательная манера сложна, темы бесконечно разнообразны. Писатель создал сложный жанр литературной сказки (политическая сказка, сатирический памфлет, философская сатира), в причудливой смеси изобразительно-выразительных элементов которой эффект воздействия достигается системой языковых сигналов: комбинацией слов с ярко выраженными коннотациями, акцентированием переносного значения слов, варьированием сем (частных смыслов), контекстными синонимами и антонимами, эвфемизмами, авторскими трансформациями устойчивых выражений, лексикой разных стилистических пластов.

Примечания

1. Например, научная конференция «М.Е.Салтыков-Щедрин в зеркале исследовательских пристрастий» (Тверь, 1996), сборник [20]; два издания сказок с обновлёнными в соответствии с новыми научными задачами комментариями — [7, 13].
2. Напомним: формирование сказочного цикла у Салтыкова-Щедрина имело ряд особенностей: в 1869 г. задуман сложный по жанровому составу цикл «Для детей», из которого были написаны всего три сказки, и работа была приостановлена до 1880-х гг. (большинство сказок созданы с 1883 по 1886 год). Многие «замыслы сказок растворились в сюжетных конструкциях других произведений», на тот момент более предпочтительных [16, с. 344]. Причины возвращения к сказочным сюжетам толкуются по-разному [см. 11, с. 414-416], но устойчиво понимание, что во второй половине творчества писателя малые жанровые формы доминируют и циклизуются [1, с. 11-12]. «Проблема целостности “Сказок” усложнена тем, что при жизни Щедрина цикл ни разу не был опубликован в полном составе с соблюдением авторской композиции» [7], которую современные издания лишь реконструируют.
3. Все лексические значения слов, кроме специально оговорённых случаев, приведены по [21].
1. Ауэр А.П. К вопросу об эволюции поэтики М.Е.Салтыкова-Щедрина // Культура и текст. 2015. № 4(22). С. 9-13.
2. Кубасов А.В. М.Е.Салтыков-Щедрин как зеркало русского постмодернизма // Филологический класс. 2011. № 26. С. 23-26.
3. М.Е.Салтыков-Щедрин: pro et contra: личность и творчество М.Е.Салтыкова-Щедрина в оценке русских мыслителей и исследователей: антология: В 2 кн. / Сост. С.Ф.Дмитренко. СПб.: РХГА, 2013–2016. (Русский Путь).
4. Строганова Е.Н., Строганов М.В. О проекте энциклопедии «М.Е.Салтыков-Щедрин и его современники» // Вестник Костромского государственного университета. 2015. № 5. Т. 21. С. 82-85.
5. Щедринский сборник / Тверской гос. ун-т, каф. истории рус. лит.; Сост. Е.Н.Строганова. Вып. 5: М.Е.Салтыков-Щедрин в контексте времени. Тверь: Золотая буква, 2016. 350 с.
6. Ружицкий И.В. «Надпись» Достоевского: словарное представление // Гуманитарная парадигма. 2021. № 3(18). С. 6-17.
7. Салтыков-Щедрин М.Е. Собрание сочинений: В 20 т. Т. 16. Кн. 1: Сказки. 1869–1886: Пёстрые письма. 1884–1886 / Подгот. текста В.Н.Баскакова и В.Э.Богграда; Примеч. В.Н.Баскакова. М.: Художественная литература, 1974. 526 с.
8. Ольминский М.С. Щедринский словарь / Под ред. М.М.Эссен и П.Н.Лепешинского. М.: Художественная литература, 1937. 757 с.
9. Кузнецов В.Я., Ерохин В.Н., Логунов М.Л., Усовик Е.Г. Словоуказатель к «Сказкам» М.Е.Салтыкова-Щедрина / Тверской гос. ун-т. Кабинет «Словаря языка М.Е.Салтыкова-Щедрина». Ч. 1. Тверь: ЭКБСОН, 1995. 179 с.
10. Салтыков-Щедрин М.Е. Сказки. С приложением учебного словаря-комментария / Сост. В.Я.Кузнецов, В.Н.Ерохин, М.Л.Логунов, И.Л.Попова, Е.Г. Усовик. Тверь: Твер. обл. кн.-журн. изд-во, 1996. 184 с.
11. Салтыков-Щедрин М.Е. Избранные иронические и саркастические мысли — на разные случаи жизни / Сост. и автор предисл. В.В.Прозоров. Саратов: КИЦ «Саратовтелефильм»-«Добродеев», 2008. 126 с.
12. Виноградов В.В. Проблемы русской стилистики / Предисл. и коммент. В.Г.Костомаров, Ю.А.Бельчиков. М.: Высшая школа, 1981. 320 с.
13. Салтыков-Щедрин М.Е. Сказки / Изд. подг. В.Н.Баскаков, А.С.Бушмин; отв. ред. С.А.Макашин. Л.: Наука: ленинградское отделение, 1988. 280 с. (Литературные памятники / Академия наук СССР; председатель редкол. Д.С.Лихачёв).
14. Ларин Б.А. Филологическое наследие. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2003. 952 с.
15. Щеглова Е.А. Лексическое своеобразие художественного произведения: к вопросу о методике анализа // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 442. С. 61-68.
16. Новиков Л.А. Художественный текст и его анализ. М.: Русский язык, 1988. 300 с.
17. Вомперский В.П. Язык Салтыкова-Щедрина и его значение в истории русского языка // Русская речь. 1976. № 1. С. 18-28.
18. Салтыков-Щедрин М.Е. Сказки / Послесл. и коммент. С.Ф.Дмитренко. СПб.: Вита Нова, 2012. 400 с. (Фамильная библиотека. Волшебный зал).
19. Хлебянкина Т.И. Святой сатирик (Салтыков-Щедрин и православие) // М.Е.Салтыков-Щедрин в зеркале исследовательских пристрастий. Тверь: ТГУ, 1996. С. 100-102.
20. М.Е.Салтыков-Щедрин в зеркале исследовательских пристрастий: сборник трудов конференции. Тверь: Тверской государственный университет, 1996. 287 с.
21. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М.: ООО «А ТЕМП», 2006. 944 с.

References

1. Auer A.P. K voprosu ob evolyutsii poetiki M.E.Saltykova-Shchedrina [On the question of the evolution of the poetics of M.Ye.Saltykov-Shchedrin]. *Kul'tura i tekst*, 2015, no. 4(22), pp. 9-13.
2. Kubasov A.V. M.E.Saltykov-Shchedrin kak zerkalo russkogo postmodernizma [M.Ye. Saltykov-Shchedrin as a mirror of Russian postmodernism]. *Filologicheskii klass*, 2011, no. 26, pp. 23-26.
3. Dmitrenko S.F., comp. M.E.Saltykov-Shchedrin: pro et contra: lichnost' i tvorchestvo M.E.Saltykova-Shchedrina v otsenke russkikh mysliteley i issledovateley: antologiya in 2 vols. [M.Ye.Saltykov-Shchedrin: pro et contra: personality and work of M.Ye.Saltykov-Shchedrin in the assessment of Russian thinkers and researchers: anthology: In 2 vols.]. St. Petersburg, 2013-2016.
4. Stroganova E.N., Stroganov M.V. O proekte entsiklopedii "M.E.Saltykov-Shchedrin i ego sovremenniki" [About the project of the encyclopedia "M.Ye.Saltykov-Shchedrin and his contemporaries"]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2015, no. 5, vol. 21, pp. 82-85.
5. Stroganova E.N., comp. Shchedrinskiy sbornik, iss. 5: M.E.Saltykov-Shchedrin v kontekste vremeni [Shchedrinsky collection. Issue 5: M.Ye.Saltykov-Shchedrin in the context of time.]. Tver', 2016. 350 p.
6. Ruzhitskiy I.V. "Nadryv" Dostoevskogo: slovarnoe predstavlenie [Dostoevsky's "Tear": Dictionary Representation]. *Gumanitarnaya paradigma*, 2021, no. 3(18), pp. 6-17.
7. Saltykov-Shchedrin M.E. Works in 20 vols, vol 16, part 1: Skazki. 1869—1886: Pestyre pis'ma. 1884—1886 [Collected works: In 20 volumes. T. 16. Book. 1: Fairy Tales. 1869—1886: Colorful letters. 1884—1886]. Moscow, 1974. 526 p.
8. Ol'minskiy M.S., Essen M.M. (ed.), Lepeshinskiy P.N., ed. Shchedrinskiy slovar' [Shchedrinsky Dictionary]. Moscow, 1937. 757 p.
9. Kuznetsov V.Ya., Erokhin V.N., Logunov M.L., Usovik E.G. Slovoukazatel' k "Skazkam" M.E.Saltykova-Shchedrina. Chast' 1 [Word guide to "Fairy Tales" by M.Ye.Saltykov-Shchedrin. Part 1]. Tver', 1995. 179 p.
10. Saltykov-Shchedrin M.E. Skazki. S prilozheniem uchebnogo slovary-kommentariya [Fairy tales. With the application of the educational commentary dictionary]. Tver', 1996. 184 p.
11. Saltykov-Shchedrin M.E. Izbrannyye ironicheskie i sarkasticheskie mysli — na raznye sluchai zhizni [Selected ironic and sarcastic thoughts - for different occasions]. Saratov, 2008. 126 p.
12. Vinogradov V.V. Problemy russkoy stilistiki [Problems of Russian stylistics]. Moscow, 1981. 320 p.
13. Saltykov-Shchedrin M.E. Skazki [Fairy tales]. Leningrad, 1988. 280 p.
14. Larin B.A. Filologicheskoe nasledie [Philological heritage]. St. Petersburg, 2003. 952 p.
15. Shcheglova E.A. Leksicheskoe svoeobrazie khudozhestvennogo proizvedeniya: k voprosu o metodike analiza [Lexical originality of a work of art: on the question of the analysis method]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2019, no. 442, pp. 61-68.
16. Novikov L.A. Khudozhestvennyy tekst i ego analiz [Fictional text and its analysis]. Moscow, 1988. 300 p.
17. Vomperskiy V.P. Yazyk Saltykova-Shchedrina i ego znachenie v istorii russkogo yazyka [The language of Saltykov-Shchedrin and its significance in the history of the Russian language]. *Russkaya rech'*, 1976, no. 1, pp. 18-28.
18. Saltykov-Shchedrin M.E. Skazki [Fairy tales]. St. Petersburg, 2012. 400 p.
19. Khlebyankina T.I. Svyatoy satirik (Saltykov-Shchedrin i pravoslaviye) [Holy satirist (Saltykov-Shchedrin and Orthodoxy)]. In: M.E.Saltykov-Shchedrin v zerkale issledovatel'skikh pristrastiy. Tver', 1996, pp. 100-102.
20. M.E.Saltykov-Shchedrin v zerkale issledovatel'skikh pristrastiy: sbornik trudov konferentsii [M.Ye.Saltykov-Shchedrin in the mirror of research predilections: collection of conference proceedings]. Tver', 1996. 287 p.
21. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. Tolkovyy slovar' russkogo yazyka [Explanatory dictionary of the Russian language]. Moscow, 2006. 944 p.

Morozova T.V., Makarenko L.V. Lexical composition and functioning of the language of M.Ye.Saltykov-Shchedrin in the "Fairy Tales for Children of a Fair Age". The article is devoted to the traditional, but not lost its relevance issue of poetics of the works of M.Ye.Saltykov-Shchedrin. The author analyzes the lexical composition of the writer's language in the series "Fairy Tales for Children of Unnatural Age". The main attention is paid to the analysis of the lexical-semantic functioning of words, the variation of their meanings in accordance with the expressive-evaluative and stylistic features. The sources of semantic saturation of the author's language and expansion of its expressive possibilities by means of transformational processes are indicated. The author's linguistic material is used to illustrate such techniques as the combination of words with clear connotations, "wrong" / distorted interpretation of word-nominations, variation of semes, contextual synonyms and antonyms, euphemisms, the transformation of stable expressions, the use of words (expressions) of different lexical and stylistic layers. The study has used the method of structural, semantic, and stylistic analysis.

Keywords: M.Ye.Saltykov-Shchedrin, tales, poetics of a work of fiction, lexical composition of the writer's language, linguistic analysis of the text.

Сведения об авторах. Татьяна Викторовна Морозова — кандидат филологических наук, доцент, ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет», Гуманитарно-педагогический институт, кафедра «Русский язык и русская литература»; ORCID: 0000-0002-1376-6465; a2424t@yandex.ru, Лариса Викторовна Макаренко — кандидат филологических наук, доцент, ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет», Гуманитарно-педагогический институт, кафедра «Русский язык и русская литература», ORCID: 0000-0002-9927-6941; larisa-sevast@ya.ru.

Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 01.11.2021. Принята к публикации 20.11.2021.

Ссылка на эту статью: Морозова Т.В., Макаренко Л.В. Лексический состав и функционал языка М.Е.Салтыкова-Щедрина в цикле «Сказки для детей изрядного возраста» // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2021. № 6(39). С. 684-688. DOI: 10.34680/2411-7951.2021.6(39).684-688

For citation: Morozova T.V., Makarenko L.V. Lexical composition and functioning of the language of M.Ye.Saltykov-Shchedrin in the "Fairy Tales for Children of a Fair Age". *Memoirs of NovSU*, 2021, no. 6(39), pp. 684-688. DOI: 10.34680/2411-7951.2021.6(39).684-688